

A. M. Karpov

Yekaterinburg

2

Alexander Flannagan

Alexander de Stoyanoff

Дана віс пароха, члену III відділення
Вінницької, богословської, роботи
арх. Федора Григорія, Камаротову
Кириандру за отримані підбілки
членів від наукової

Академії 16 лютого 1859 року.

Підставами присуда
єпископа Амурського
Буриловича є:

Амур

Камаротова Нікандра

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
для грамотнаго народа
и для начальныхъ ученикъ

7

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

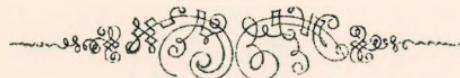

ЕКАТЕРИНА II.

СОЧИНЕНИЕ

П. Щебальского.

Издание Варшавского Учебного Округа.

ВАРШАВА.

ПЕЧАТНЯ ВАРИАВСКАГО УЧЕВНОГО ОКРУГА.

Королевская улица № 11.

—
1878.

Дозволено Цензурою,
Варшава, 8 марта 1878 г.

109301

24

ЕКАТЕРИНА II.

Многіе слыхали у нась, даже и въ простонародіи, о Германіи. Они знаютъ, что это сильная имперія, кото-
рая нѣсколько лѣтъ тому назадъ побѣдила Францію, завое-
вала у нея двѣ области и взяла въ плѣнъ Французскаго им-
ператора Наполеона III-го.

Но полтораста лѣтъ тому назадъ эта имперія состояла изъ множества мелкихъ владѣній (такъ же какъ и наша ста-
ринная Русь ¹⁾). Иныя изъ этихъ владѣній были такъ ма-
лы, что можно было въ одинъ день проѣхать на почтовыхъ
два—три Германскія герцогства или княжества.

У владѣльца одного изъ такихъ крошечныхъ госу-
дарствъ родилась въ 1729 году дочь. Можно было разсчи-
тывать по всѣмъ вѣроятіямъ, что эту молодую принцесу о-
жидаетъ будущность не блестательная. Поучившись кое-че-
му и кое-какъ, эта молодая принцеса,—можно было пола-
гать,—выйдетъ за мужъ за такого же незначительного вла-
дѣльца какъ ея отецъ, который, не имѣя возможности про-
жить на доходы съ своего государства, служилъ генераломъ
въ прусскихъ войскахъ и былъ комендантомъ одной изъ
прусскихъ крѣпостей. А могло случиться и то, что эта
принцеса, если Богъ не наградитъ ее умомъ и красотою,
сдѣлается женою даже не владѣльца мелкаго германскаго

¹⁾ См. „Раздробленіе Руси“.

княжества, а его младшаго брата, которому можетъ быть придется и умереть въ чинѣ прусскаго или австрійскаго полковника.

Случилось однажды совершенно не такъ. Говорять, какая-то цыганка - ворожея предсказала ей высокую будущность. Богъ даровалъ маленькой принцесѣ замѣчательную красоту и еще болѣе замѣчательный умъ. На нее указали императрицѣ Елисаветѣ (дочери Петра Великаго), когда она искала невѣсты для своего племянника, великаго князя Петра Федоровича. Принцеса пріѣхала въ Россію, понравившася императрицѣ, вышла за мужъ за наследника Русскаго престола и сдѣлалась великою государыней подъ именемъ Екатерины Второй.

Прибывъ въ Россію 14 лѣтъ отроду, она приняла православіе и съ величайшимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. При необыкновенныхъ способностяхъ своихъ она вскорѣ научилась не только совершенно свободно владѣть этимъ языкомъ, но оказала большіе успѣхи во всякомъ рода наукахъ, такъ что сдѣлалась одною изъ самыхъ образованныхъ женщинъ своего времени.

Но эта замѣчательная женщина не была счастлива: Богъ не благословилъ ея брака съ великимъ княземъ. Онъ жилъ самъ по себѣ съ своими друзьями и велъ жизнь разгульную; она тоже жила сама по себѣ съ немногими своими приближенными; училась, читала и внимательно присматривалась къ тому, какъ управляется Россія и чего недостаетъ для народнаго благоденствія.

А недоставало многаго, да и будущее было сумрачно. Императрица Елисавета, будучи не замужнею, не имѣла прямыхъ наследниковъ, а племянникъ ея Петръ Федоровичъ, родившись въ Германіи отъ отца пѣмца¹⁾, какъ-то мало сбылся съ Россіей; когда же скончалась его тетка

¹⁾ Его мать, дочь Петра Великаго, старшая сестра Елисаветы Петровны, была замужемъ за однимъ Германскимъ принцемъ.

и онъ сталъ Императоромъ, онъ началъ выказывать гораздо болѣе привязанности ко всему нѣмецкому, чѣмъ къ русскому. Ему болѣе нравилось и нѣмецкое войско чѣмъ русское, и нѣмецкій языкъ, и нѣмецкіе порядки; онъ обыкновенно говорилъ по нѣмецки; приближенные его были по большей части Нѣмцы; онъ любилъ носить прусскій мундиръ и засевъ обученіе въ войскахъ на нѣмецкій ладъ. Даже обряды православной церкви казались ему странны. По своимъ понятіямъ онъ былъ Нѣмецъ и лютеранинъ¹⁾. Какая разница съ молодой Императрицей (Екатериною), которая строго чтила уставы народной церкви, старалась узнать все, что касается до страны, въ которую привезъ ее перстъ Божій, любила говорить по русски, была ласкова, доступна, милосерда, а въ кругу близкихъ ей людей весела, остроумна и проста въ обхожденіи!

И вотъ между знатными и незнатными людьми пошли толки о томъ, что не Петру Федоровичу, а ей бы царствовать слѣдовало. Толковали спачала шопотомъ, а потомъ и громко. При Екатеринѣ Алексѣевнѣ дѣла пошли бы лучше, говорили министры и люди сановные. И древнее благочестіе возсіяло бы снова, заключали люди духовнаго чина.

По всѣхъ горячѣе были преданы молодой Императрицѣ солдаты и офицеры гвардіи. Всѣ они готовы были положить за нее голову и не скрывали своего отвращенія къ мундирамъ по прусскому образцу, въ которые ихъ одѣвали по приказанію Государя, къ прусской муштровкѣ, къ прусскимъ порядкамъ. О самомъ Государѣ отзывались они рѣзко. Это было известно Государю и, разумѣется, не было ему пріятно; а его пріятели, съ которыми онъ проводилъ шумные ночи и которымъ разсыпалъ необдуманно милости,

¹⁾ Лютеръ былъ католическій монахъ; но онъ отвергнулъ многія постановленія католической церкви и составилъ особое вѣроученіе, послѣдователи коего называются лютеранами.

внушали ему, что всему ропоту тайная причина Императрица. Они довели такимъ образомъ слабаго Государя до того, что онъ вознамѣрился заключить супругу свою въ монастырь и жениться на другой.

Было лѣто 1762-го года. Императрица жила верстахъ въ тридцати отъ Петербурга, въ небольшомъ домиѣ, построеннымъ Петромъ Великимъ на берегу моря. Она жила еще скромнѣе обыкновеннаго,—одна съ нѣсколькими прислужницами и слугами. Вдругъ однажды, именно 28 іюня, около 6-и часовъ утра, подѣзжаетъ къ этому дому одинъ изъ наиболѣе видныхъ гвардейскихъ офицеровъ, Алексѣй Орловъ, и требуетъ чтобы его впустили къ Государынѣ. Онъ былъ весь въ пыли и очень взволнованъ.

— Что съ вами? что вамъ нужно? говоритъ удивленная Императрица.

— Матушка, все въ Петербургѣ готово, чтобы объявить васъ Государыней. Садитесь въ карету и ѿдемъ,—їдемъ ради Бога!

— Но какъ?....

— Дорогой разскажу все, а теперь їдемъ, їдемъ, не теряя ни минуты. Иначе не миновать вамъ монастыря.

Садятся. Орловъ вскакиваетъ на козлы; удалая четверня мчится во весь опоръ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга встрѣчаетъ Императрицу еще одинъ гвардейскій офицеръ верхомъ; узпавъ ее, онъ поворачиваетъ коня и скачетъ возлѣ кареты. Потомъ присоединяется еще другой, третій, нѣсколько.... Въ сопровожденіи ихъ Екатерина подѣзжаетъ къ казармѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Барабанщикъ схватываетъ барабанъ и бѣть сборъ. Солдаты сбѣгаются съ крикомъ ура, цѣлуютъ у Императрицы руки, ноги, конецъ ея платья.... Приводятъ священника и тотчасъ-же весь полкъ присягаетъ на вѣрную службу Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевѣ.

в и ъ. Такая же присяга повторяется въ первенствующемъ петербургскомъ соборѣ, Казанскомъ. Генералы, придворные спѣшатъ во дворецъ. Екатерина дѣлается Государыней и Самодержицей всея Россіи; супругъ же ея, узнавъ о случившемся, отказывается отъ престола, уступаетъ его Екатеринѣ, а нѣсколько дней спустя и умираетъ.

Такъ началось царствованіе Екатерины II-ой, прозванной Великою (1762 г.).

Замѣчательно, что, едва вступивъ на престолъ, она подала поводъ надѣяться на различные счастливыя перемѣны не только тѣмъ Русскимъ, которые состояли подъ ея державой, но и тѣмъ, которые, въ давнія времена подпавъ подъ иноzemное владычество, не переставали однако считать себя Русскими. Такія именно надежды проснулись въ людяхъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія, находившихся въ теченіе долгихъ лѣтъ подъ властію Польскихъ королей ¹⁾). Ихъ вѣроисповѣданіе подвергалось большимъ стѣсненіямъ со стороны этихъ королей, а еще больше со стороны пановъ и католического духовенства. Часть этого населенія, именно нынѣшняя Малороссія, не желая терпѣть дольше, отторгнулась отъ Польши и поддалась Россії; но и затѣмъ еще много Русскихъ и частію православныхъ, частію уніатовъ ²⁾, продолжали жить подъ польскимъ владычествомъ. Русскіе государи, по своему съ ними единовѣрію, нерѣдко ходатайствовали за нихъ; но такія ходатайства оставались болѣею частью безъ послѣдствій, потому что если короли польскіе иногда и издавали указы въ защиту своихъ русскихъ подданныхъ, то ихъ не слушали паны и духовенство, вообще привыкшіе къ непослушанію. Про-

¹⁾ См. „Раздробленіе Руси“ и „Унія и Возсоединеніе Малороссіи“.

²⁾ См. „Унія и Возсоединеніе Малороссіи“.

Екатерину же скоро прошла молва, что она не изъ тѣхъ, чи просьбы можно оставлять безъ вниманія.

Поэтому православный епископъ Могилева, принадлежавшаго тогда Польшѣ, Георгій, прибывъ въ Москву на коронацію, прямо объявилъ Императрицѣ, что его паства горячо и крѣпко на нее надѣется. Говоря однажды въ ея присутствіи проповѣдь, онъ со слезами на глазахъ сравнивалъ великолѣпіе московскихъ храмовъ съ убожествомъ храмовъ своей епархіи: „Здѣсь, произнесъ онъ, свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владимиrowыхъ зажженный, блестаетъ; у насъ свѣтильникъ сей свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совершенно погасили. У насъ, продолжалъ онъ, ставить въ стыдъ именоваться православнымъ; за православіе терпимъ истязанія, заключенія, домовъ раззореніе, а нерѣдко и жизни лишеніе.. Однако, заключалъ проповѣдникъ, не унываемъ, ибо надежда на избавленіе веселитъ насъ. Не посрами же насъ, надежда наша! Спаси насть десницаю твою, и мыщею твою покрый пасть! воскликнулъ въ заключеніе архиепаstryръ, обращаясь къ Екатеринѣ.

Подобно Георгію Могилевскому стали пріѣзжать къ новой Императрицѣ епископы и игумены изъ Кіевщины, съ Волыни, изъ Подолія¹⁾, принадлежавшихъ тогда Польшѣ. Всѣ просили покровительства и защиты. Не находимъ правды у себя, жаловались они; „польскіе суды разбол горшіе суть, ибо криво судить на нашу сторону не за грѣхъ, но за отпущеніе грѣховъ почитается.“ Другіе говорили: „когда волкъ похитить овцу,—куда бѣдному пастуху представить свои жалобы?“ Екатерина не была нечувствительна къ этимъ прошеніямъ и жалобамъ. Она дала епископу Георгію

¹⁾ Нынѣшнія Кіевская, Волынская и Подольская губерніи нерѣдко называются Украиною (окраиной). Для краткости и мы будемъ такъ называть ихъ. Коренное населеніе Украины—Малороссы, такъ же какъ и въ тѣхъ областяхъ, которыхъ подчинились царю Алексѣю Михайловичу (см. „Унія и Возсоединеніе Малороссіи“).

письмо къ Польскому королю и приказала своему посланнику въ Варшавѣ стараться, чтобъ ея единовѣрцевъ не притѣсняли.

Но при всемъ своемъ желаніи король ничего не могъ сдѣлать: его не слушали въ самомъ его государствѣ. На-противъ, въ отношеніи православныхъ стали принимать самыя суровыя мѣры; стали обращать ихъ въ унію открытою силой. Въ Подолію и на Волынь вступили отряды польскихъ солдатъ; подъ ихъ прикрытиемъ слѣдовали монахи и священники; они опечатывали православныя церкви, а прихожанъ, окруживъ войскомъ, заставляли перемѣнить вѣру. Православные священники должны были молча смотрѣть на это; въ противномъ случаѣ ихъ поносили, безчестили, обрѣзывали имъ волосы, брили бороду, забивали въ колодки и отправляли на работы, или же ненадцати били розгами и плетьми, приговоривая: „вотъ тебѣ за императрицу, вотъ за короля, за святѣйшій синодъ, за архіереевъ, а вотъ и за вся православныя христіаны“.

Украинскій народъ сносливъ; но зато, потерявъ терпѣніе, онъ становится свирѣпъ и страшенъ. Таковъ онъ былъ во время Богдана Хмельницкаго,—такимъ-же оказался онъ и теперь. Произошло страшное, хоть и кратковременное восстаніе.

Вотъ какъ оно случилось. Недалеко отъ Киева, на польскомъ же берегу Днѣпра¹⁾, въ лѣсистой мѣстности, есть Могилевинскій монастырь. Игуменомъ былъ тамъ старецъ Мельхиседекъ, тоже юздившій просить защиты у Императрицы. За это на него особенно злобились люди, свирѣпствовавшіе на Украинѣ. Они даже неоднократно дѣлали нападенія на

¹⁾) Въ то время, о которомъ здѣсь говорится, Днѣпъръ былъ границей между Русскимъ и Польскимъ государствами; только Киевъ, хоть и стоящій на правомъ, польскомъ берегу Днѣпра, принадлежалъ Россіи.

манастырь въ надеждѣ захватить Мельхиседека. Въ этотъ же монастырь приходили на поклоненіе богомольцы изъ Киева, изъ - за Днѣпра, съ Запорожья. Они видѣли неистовства, которыя совершились окрестъ, и явились мстителями за своихъ злополучныхъ братій. Одинъ изъ нихъ, удалой запорожскій казакъ, по имени Максимъ Желѣзнякъ, собралъ сотни двѣ такихъ же какъ онъ лихихъ наездниковъ и неожданно негаданно налетѣлъ на богатое имѣніе князя Любомирскаго, Смѣлое. Смѣлянскіе крестьяне, увидѣвъ земляковъ и друзей, съ головы до ногъ вооруженныхъ, схватили свои топоры и косы, кинулись на княжескій замокъ, разграбили его, перебили княжескую дворню и перевѣшли смѣлянскихъ жидаовъ; затѣмъ они двинулись далѣе. Куда ни приходили они, народъ приставалъ къ нимъ. Не рѣдко приставали и тѣ казаки, которыхъ держали иные польскіе вельможи, такъ что, черезъ нѣсколько дней по переходѣ Днѣпра Желѣзнякомъ, около него было уже не нѣсколько сотенъ казаковъ, а многія тысячи всякаго, худо-ли хорошо-ли вооруженнаго народа. И вездѣ эта нестройная, буйная толпа жгла и грабила панскія хоромы, вѣшала жидаовъ, истребляла экономовъ и арендаторовъ. Въ короткое время возстаніе крестьянъ и казаковъ обхватило нынѣшнія Киевскую и Подольскую губерніи.

Что же дѣлалъ Станиславъ, тогдашній Польскій король? Что дѣлали его министры, его гетманы, воеводы и старосты, его полиція и войско? Увы, этотъ бѣдный король не имѣлъ никакой власти. Полиціи у него не было вовсе; войска тоже почти не было. Такъ какъ всѣ земли Польскаго государства принадлежали или панамъ, или управлялись ими, то на пановъ и старость возлагалось охраненіе порядка,—а мы видѣли, какъ они его охраняли: сотня уdalцовъ подняла цѣлый край!

При томъ у короля, его министровъ и пановъ были въ это же самое время другія заботы. На Волыни немногіе ос-

тавшієся еще православными помѣщики образовали конфедерацию, то-есть повстанье для защиты своей вѣры. Точно также на другомъ концѣ Польши, въ Торунѣ (нынѣ прусскій городъ), помѣщики лютеранского исповѣданія образовали другую конфедерацию для защиты вооруженною рукой своего вѣроисповѣданія, ибо въ Польскомъ государствѣ не только православные, но и всѣ католики, или такъ называемые диссиденты, находились въ утѣшненіи.

Видя все это, король началъ устраивать особое, отъ него непосредственно зависѣвшее войско и устанавливать налоги для содержанія этого войска. Это возбудило между панами страшное негодованіе: „король хочетъ забрать власть; имѣя казну и войско, онъ сдѣлается нашимъ господиномъ“, кричали они, и тоже образовали повстанье для сопротивленія королю. Къ этому повстанью примкнуло и духовенство, недовольное тѣмъ, что король снисходителенъ къ диссидентамъ. Заварилась страшная сумятица.

Что оставалось королю? Онъ обратился за помощью къ Русской Государынѣ. Екатерина велѣла перейти за Днѣпръ нѣсколькимъ полкамъ своимъ. Они прежде всего прекратили волненія на Украинѣ и захватили Желѣзняка, а затѣмъ восстановили власть короля во всемъ государствѣ.

Появленіе русскихъ полковъ сильно раздражало польскихъ пановъ, хотя собственно эти полки были присланы для охраненія ихъ жизни и имущества противъ казаковъ, взбунтовавшихся крестьянъ и вообще противъ всѣхъ нарушителей порядка. Но видѣ русскихъ войскъ какъ бы говорилъ панамъ: „не умѣете вы, друзья любезные, справиться съ собственными своими дѣлами!“—вотъ что было досадно панамъ. Поэтому они встрѣтили Русскихъ какъ враговъ, а короля, который ихъ пригласилъ, объявили лишеннымъ престола. Но такъ какъ русскія войска надежно оберегали престолъ Станислава и при каждой встречѣ разгоняли толпы повстанцевъ, то паны обратились за помощью къ турецкому султану и убѣждали его объявить войну Россіи.

Случилось, что партия русскихъ казаковъ, преслѣдуя польскихъ повстанцевъ, занеслась за турецкую границу и разорила часть пограничнаго городка Балты, принадлежавшую въ это время Турціи. Узнавъ объ этомъ, Екатерина велѣла извиниться отъ ея имени предъ султаномъ и заплатить за учиненное казаками разореніе. Но султанъ не принялъ извиненій и объявилъ Россіи войну (1769 г.), разсчитывая воспользоваться тѣмъ, что русское войско занято въ Польшѣ.

Мы сейчасъ увидимъ, что этотъ расчетъ оказался однако совершенно невѣрнымъ.

И въ Турціи, какъ въ Польшѣ, проживало да и теперь проживаетъ множество людей православнаго исповѣданія, отчасти Славянъ, отчасти Грековъ¹⁾). Узнавъ, что между султаномъ и Императрицей начинается война, они сердцемъ и душою были на русской сторонѣ, а Греки рѣшились воспользоваться тѣмъ, что турецкія войска потянулись къ русской границѣ и взялись за оружіе, чтобы освободиться изъ-подъ мусульманской власти.

Екатерина съ своей стороны послала имъ на помощь нѣсколько кораблей. Эти корабли встрѣтили турецкій флотъ и совершенно истребили его (1770 г.): изъ всего этого флота, состоявшаго изъ 22 судовъ, уцѣлѣлъ лишь одинъ корабль, да и тотъ былъ взятъ Русскими. Въ этотъ славный для Россіи день начальствовалъ ея кораблями тотъ самый Орловъ, который за восемь лѣтъ предъ тѣмъ привезъ Екатерину въ Петербургъ для провозглашенія ея Императрицей. За побѣду свою онъ былъ наименованъ Чесменскимъ, такъ

¹⁾ Объ этихъ Славянахъ,—Болгарахъ и Сербахъ, смотри *Начало Руси*, а о Греческомъ царствѣ и покореніи его Турками см. *Москва и собираніе Руси*.

какъ турецкій флотъ былъ истребленъ въ заливѣ, называемомъ Чесменскимъ¹⁾.

Почти въ то-же время и сухопутная армія русская одержала двѣ славныя побѣды. Эта армія была невелика,—всего едва въ 20,000 человѣкъ; но ею начальствовалъ знаменитый вождь Румянцевъ. Онъ повелъ свое войско прямо къ Дунаю. Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ этой рѣки на него кидается до 80,000 Татаръ. Румянцевъ останавливаетъ свои полки, отражаетъ нападеніе и затѣмъ устремляетъ ихъ на непріятеля. Въ нѣсколько часовъ бой былъ конченъ: Татары бѣжали, оставивъ свой обозъ и болѣе 30 пушекъ. Давъ отдохнуть своимъ солдатамъ, Румянцевъ ведетъ ихъ далѣе. На самомъ берегу Дуная, при впаденіи въ него рѣчки Кагула находилось 150,000 Турокъ, только что переправившихся на этотъ берегъ. Полтораста тысячъ Турокъ и какихъ нибудь семнадцать тысячъ Русскихъ (въ предшествующемъ бою и на походѣ могло выбыть изъ строя до 3,000 человѣкъ),—несоразмѣрность страшная! Но Румянцевъ сообразилъ, что отступать въ виду такого многочисленнаго непріятеля еще опаснѣе, чѣмъ прямо ударить на него. 21-го юля 1770 года до разсвѣта онъ поставилъ свою небольшую армію въ ружье, раздѣлилъ ее на пять частей или карреевъ и повелъ на непріятеля. Какъ только взошло солнце и Турки замѣтили приближеніе Румянцева, толпа всадниковъ кинулась на встрѣчу ему и обхватила со всѣхъ сторонъ его карреи. Но эти стройные, плотные карреи продолжали слѣдоватъ, не обращая вниманія на волновавшихся вокругъ нихъ всадниковъ,—точно пять кораблей, плывущихъ по бурному морю. Вотъ сталъ виденъ и турецкій станъ, обнесенный окопами; вотъ начинаютъ долетать ядра,—а карреи и

---

¹⁾ Этотъ заливъ находится примѣрно на полѣ-пути изъ Константиноポля въ Иерусалимъ. Многіе изъ русскихъ богомольцевъ проѣзжаютъ на пароходѣ въ виду Чесмы.

дуть не останавливаясь. Вдругъ цѣлый отрядъ турецкихъ пѣхотинцевъ, скрытый въ лощинѣ, кидается на Русскихъ; это неожиданное нападеніе разстроило одинъ изъ пяти карреевъ. Румянцевъ видитъ это, несется туда во всю прыть своего коня и восстановляетъ порядокъ. Затѣмъ онъ снова приказываетъ идти впередъ на самые окопы, „и мы,—пишетъ онъ Государынѣ,—ударили во всю мочь на мечь и огонь турецкій“.

Бой былъ непродолжителенъ; опрокинутые, сбитые Турки пустились на уходъ; но на пути ихъ былъ Дунай,—и они гибли въ немъ массами. Весь турецкій обозъ, палатки, казна и 130 пушекъ досталось побѣдителямъ.

Два года еще продолжалась война послѣ Кагульскаго сраженія. Екатерина нѣсколько разъ предлагала миръ, но султанъ упорствовалъ. Кончилось тѣмъ, что армія Румянцева достигла Балканскихъ горъ, за коими находится султанская столица, Константинополь.

Тогда султанъ наконецъ сталъ просить мира, и онъ былъ ему данъ, но на тяжкихъ для него условіяхъ. Онъ долженъ былъ уступить Россіи часть нынѣшней Херсонской губерніи (приналежавшей тогда султанскому подручнику, крымскому хану¹⁾) до Чернаго моря, разрѣшить русскимъ и иностраннымъ купеческимъ кораблямъ свободно плавать по этому морю, куда онъ прежде не пропускалъ ни одного судна, и предоставить Россіи покровительство надъ всѣми единовѣрными ей христіанами, проживавшими въ его владѣніяхъ (1774 г.).

Тяжело, конечно, было для турецкаго государя сдѣлать всѣ эти уступки; за то онъ доставили болѣшія выгоды Россіи, да и не одной Россіи. Турецкіе Славяне и Греки благословили побѣды Орлова и Румянцева, ибо покровительство

¹⁾ См. Москва.

Россії облегчило ихъ судьбу, которая была еще хуже, чѣмъ судьба Русскихъ, находившихся подъ властю Польши.

Не были забыты Екатериной и эти Русские, четыреста лѣтъ томившіеся подъ чужою властю. Она принудила Польшу возвратить Россіи старинную русскую область Бѣлоруссію съ городами Витебскомъ, Полоцкомъ и многими другими (1772 г.).

Это было продолженіемъ „собиранія Русской земли“, которое началъ Иванъ III и Московскіе цари. Эти цари собирали „подъ свою руку“ мелкіе удѣлы, а когда они были собраны все до единаго, дошла очередь и до областей нашихъ, подпавшихъ нѣкогда подъ иноземную власть. Изъ числа этихъ областей первою возвратилась Малороссія ¹⁾, за нею устья Невы и прибрежья финскія и балтійскія ²⁾, потомъ Бѣлоруссія, а вслѣдъ за нею, какъ скоро увидимъ, и другія древнія русскія области.

Къ несчастію Польши въ дѣла ея вмѣшились другіе ея сосѣди,—Пруссія и Австрія. Пользуясь тѣмъ, что все ея силы были заняты войною съ Россіей, они безъ объявленія войны, безъ выстрѣла заняли нѣсколько ея областей и объявили ихъ своею собственностью.

Это называютъ первымъ раздѣломъ Польши.

Но, пока Румянцевъ и Орловъ одерживали побѣды на суши и на морѣ, тяжелыя бѣды стряслись надъ Россіей. Этихъ бѣдъ было двѣ: чума и Пугачевщина.

Страшная болѣзнь, называемая чумой, появляется нынѣ довольно рѣдко; но сто и больше лѣтъ тому назадъ она свирѣпствовала сильно. Въ Турціи было, можно сказать, ея царство; оттуда она врывалась и въ другія страны.

Во время войны, о которой разсказано выше, въ турец-

¹⁾ См. *Возсоединеніе Малороссіи.*

²⁾ См. *Петръ Великій.*

кихъ войскахъ обнаружилась чума; оттуда она перешла въ русскую армію; а такъ какъ къ арміи, разумѣется, безпрестанно подводятъ обозы съ мукой, овсомъ, мундирами, оружиемъ и т. п., то черезъ обратныхъ извоевниковъ, черезъ раненыхъ, отправляемыхъ въ различные госпитали, черезъ курьеровъ, посылаемыхъ ко двору съ донесеніями, чума проникла въ Россію. Поспѣшили устроить заставы, на коихъ окуривали не только вещи, слѣдовавшія съ юга, но и людей, даже письма и донесенія; ничто не помогало; чума захватила полъ-Россіи.

Но нигдѣ она не свирѣпствовала съ такою лютостью какъ въ Москвѣ; были дни, что при тогдашнемъ незначительномъ населеніи этой столицы умирало до 700 человѣкъ въ день, и страшная болѣзнь эта продолжалась въ Москвѣ цѣлый годъ, хоть конечно не съ одинаковой силою. Самый сильный разгаръ ея былъ во время лѣтнихъ жароў. Народъ обезумѣлъ отъ ужаса; врачей онъ подозрѣвалъ въ отравленіи и многихъ изъ нихъ избилъ; бунтовались противъ начальства, которое учреждало больницы и изъ предосторожности приказывало жечь одежду зачумленныхъ. Толпы несчастныхъ бѣжали въ церкви, къ чудотворнымъ иконамъ, моля о спасеніи; но въ тѣснотѣ одинъ зараженный передавалъ заразу многимъ, и моръ усиливался.

Императрица прислала въ Москву любимѣйшаго изъ своихъ вельможъ, Орлова, брата чесменского побѣдителя. Мѣры, которыя онъ принялъ, а еще болѣе наступившіе осеніе морозы прекратили наконецъ это страшное бѣдствіе, обошедшее, какъ сказано, полъ-Россіи.

За чумою естественно наступилъ голодъ: перепуганнымъ людямъ было не до полевыхъ работъ, а во многихъ мѣстахъ некому было и работать.

Едва кончилось это несчастіе, какъ появился самозванецъ, смутившій много сотни тысячъ народа и причинившій неисчислимое зло.

Самозванцы появились въ Россіи и прежде. Такъ въ давнія времена одинъ проходимецъ вздумалъ выдавать себя за

сына царя Ивана IV-го и извѣстенъ подъ именемъ лже-Дмитрія ¹⁾. Другіе выдавали себя за царевича Алексѣя, сына Петра Великаго. Явился наконецъ человѣкъ, который назвался Императоромъ Петромъ Федоровичемъ, супругомъ Екатерины.

Этотъ дерзкій обманщикъ былъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. За самовольныя отлучки и воровство онъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ къ суду. Дорогой ему удалось убѣжать. Идя то степью, то лѣсомъ, но чуя то подъ открытымъ небомъ, то у добрыхъ людей, питаясь чѣмъ попало, онъ пробрался съ Дона за Днѣпръ, въ земли, принадлежавшія тогда Польшѣ. Тамъ онъ тоже продолжалъ скитаться; былъ въ раскольничихъ ²⁾ скитахъ, въ такъ называемыхъ Стародубскихъ слободахъ и на Вѣткѣ. Наконецъ задумалъ онъ вернуться въ Россію. Мысль о томъ подала ему указъ Императрицы, которая вызывала всѣхъ бѣглыхъ Русскихъ и обѣщала имъ землю и пособіе для обзаведенія. Только Пугачевъ вернулся въ Россію не подъ своимъ именемъ, такъ какъ онъ еще до побѣга за границу состоялъ подъ судомъ.

На пограничномъ кордонѣ ему пришлось пробыть нѣсколько недѣль. Здѣсь встрѣтился онъ съ нѣкимъ купцомъ изъ раскольниковъ, который напелъ въ немъ сходство съ покойнымъ Императоромъ Петромъ III и посовѣтовалъ Пугачеву принять его имя.

— Ступай на Яикъ ³⁾ говорилъ онъ; тамошніе казаки притѣснены: обѣявшись имъ,—они тебя примутъ.

Такъ и сдѣлалъ Пугачевъ. Онъ прошелъ всю Россію поперекъ, съ Днѣпра на Уралъ, выдавая себя за раскольника и вездѣ встрѣчая пріютъ и помощь со стороны раскольниковъ. Не вдалекѣ отъ Яицкаго городка стоялъ одинокій

¹⁾ См. *Смутное Время*.

²⁾ Рѣка Яикъ нынѣ Ураль; яицкое войско — уральское войско и яицкій городокъ — Уральскъ.

³⁾ См. о раскольникахъ *Петръ Великий*.

уметь (хуторъ); хозяинъ этого умста былъ знакомъ Пугачеву.

— Чѣдѣ, Емельянъ, спросилъ онъ, отпущенъ изъ подъ караула?

— Нѣть, самъ ушелъ. Позволь у тебя до времени по-жить.

— Живи; я много добрыхъ людей скрывалъ.

Этотъ уметь стоялъ на бойкомъ мѣстѣ. Много яицкихъ казаковъ наѣзжало туда, и Пугачевъ слышалъ, что они жало-вались на свое начальство, даже говорили о томъ, чтобъ уйтти за границу. Все это было на руку Пугачеву. Онъ рѣшилъ „объявить себя“. Однажды онъ попросилъ у своего хо-зяина позволенія истопить баню. Тотъ позволилъ, и самъ по-шелъ париться вмѣстѣ съ Емельяномъ.

— Что это у тебѣ на груди? спросилъ онъ у Пугачева, когда тотъ раздѣлся, указывая на шрамъ отъ какой-то бо-лячки.

— Это царскіе знаки.

— Какъ царскіе знаки?

— Такъ. Я государь Петръ Федоровичъ.

— Что ты! Вѣдь государь, сказывали, померъ...

— Врешь! повелительно сказалъ Пугачевъ: не умеръ, а живъ,—и рассказалъ, что будто бы вѣсть о смерти госуда-ря была выдумана, что вмѣсто него положили въ гробъ ко-го-то другаго, а государь-де тайно ушелъ отъ своихъ зло-дѣевъ, скитался по разнымъ землямъ и пришелъ наконецъ къ казакамъ, зная ихъ утѣшненіе и надѣясь, что они помо-гутъ ему снова сѣсть на престолъ. Разумѣется, при этомъ много было послано наградъ тѣмъ, которые примутъ его сторону.

Вѣсть о человѣкѣ съ „царскими знаками“ на груди быс-тро разнеслась. Къ Пугачеву стали прїѣзжать казаки. Они просили его показать свои знаки, разспрашивали, какъ ему удалось спастись отъ смерти, и иные кончали тѣмъ, что, прослушавъ его розсказни, плакали надъ его страданіями

и падали предъ нимъ па колѣни. Другіе, болѣе умныя и болѣе плутоватые, пожелали воспользоваться самозванцемъ, чтобы собрать вокругъ него народъ,—а казаки все вооруженный народъ,—и разсчитаться съ своимъ начальствомъ, которое дѣйствительно притѣсняло казаковъ.

Такъ и сдѣлано было. Стали разглашать, что настоящій царь скрывается-де отъ своихъ злодѣевъ на такомъ-то умѣтѣ, что Богъ сохранилъ его чудеснымъ образомъ, и что „великій государь“, скалившись надъ утѣсненіями казаковъ, изволить собственною особою вести ихъ противъ ихъ притѣснителей.

— Собирайся, православные, къ царю-батюшку,—шумѣли заводчики дѣла: кто явится къ нему изъ первыхъ, тѣмъ будетъ всякая честь и награда; а кто станетъ противиться, тому голову долой!

И кинулся темный народъ къ обманщику; а Пугачевъ, одѣвшись въ кафтанъ съ галунами, но шомалчивая, чтобы не выдать своего самозванства, допускалъ приходящихъ къ руки. Таковыхъ набралось не мало, и Пугачевъ велѣлъ имъ сѣсть на коней.

Пугачевъ былъ впрочемъ ловкій и смѣлый урядникъ. Онъ бывалъ на войнѣ, умѣлъ вести въ бой толпу казаковъ и управлять боемъ.

Неожиданно, какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ онъ на маленькую крѣпостцу, въ которой проживало нѣсколько инвалидовъ, и захватилъ ее. Запасшись тамъ порохомъ и пушкою, кинулся онъ на другую, на третью. Толпа его стала увеличиваться; появилось у него нѣсколько пушекъ; молва пошла о немъ по всему краю.

Это случилось въ 1773 году, въ то время, когда почти вся русская военная сила была еще занята войною съ Турками; хорошаго войска вовсе не было въ томъ отдаленномъ краѣ, гдѣ живутъ уральскіе (по старинному—яицкіе) казаки. Поэтому Пугачеву и его толпе оказывалось вездѣ слабое сопротивленіе. Напротивъ того, къ нему стекались

гулящіе казаки, Киргизы, Калмыки, Башкиры, крестьяне, приписанные къ заводамъ, коихъ много въ той сторонѣ. Однихъ манила вольница и надежда на поживу; другіе вѣрили, что Пугачевъ царь истинный. Онъ всѣмъ сулилъ волю, награды и почести, когда,—говорилъ онъ,—„я сяду на престолъ моихъ предковъ и запру въ монастырь жену, которая хотѣла извести меня“.

Съ этимъ нестройнымъ, но многочисленнымъ сбродомъ онъ перешелъ черезъ рѣку Каму, кинулся на Казань, ограбилъ и выжегъ ее и затѣмъ потянулся къ Нижнему Новгороду. Случалось, что войска, наскоро собранныя противъ него, наносили ему пораженіе; толпа его разбѣгалась; но, дни два-три спустя, новыя тысячи людей являлись къ нему, и дерзкій самозванецъ грозилъ идти на Москву, сожигать по дорогѣ города и помѣщичьи усадьбы, вѣшать царскихъ воеводъ, сажать на коль дворянъ, сдирать кожу съ священниковъ, которые не соглашались пѣть ему царскіе молебны....

По счастію война съ Турками начинала приходить къ концу. Нѣсколько полковъ привезено было на подводахъ съ Дуная, и Пугачеву пришло изъ подъ Владимира повернуть назадъ. Прибылъ изъ арміи и знаменитый генералъ Суворовъ. Онъ настигъ бунтовщикю толпу и разсѣялъ ее прахомъ. Пугачевъ съ нѣсколькими десятками казаковъ кинулся было опять на Ураль; но товарищи его, видя, что ихъ дѣло кончено, сами выдали своего мнимаго царя.

Онъ былъ привезенъ въ Москву въ клѣткѣ, какъ дикий звѣрь, и шалечъ отсѣкъ передъ народомъ злодѣйскую его голову. Казнены были смертію и нѣкоторые изъ главныхъ его помощниковъ.

Къ исходу 1774 года кончились войны, прекращена была страшная Пугачевщина, затихла чума, забыть былъ голодъ,—все пошло обычнымъ порядкомъ. Наступило время

счастливаго затишья, продолжавшееся двѣнадцать лѣтъ. Но Государыня продолжала трудиться и издала въ это время много полезныхъ законовъ. Въ то-же время она принимала мѣры къ тому, чтобы безъ новыхъ войнъ пріобрѣсти берега Чернаго моря.

Съ давнихъ лѣтъ по Волгѣ, начиная съ Казани, по степямъ, которыя разстилаются отъ Каспійскаго моря до Чернаго, и на Крымскомъ полуостровѣ частію кочевали, а частію жили осѣдло Татары. У нихъ было три отдѣльныя царства: Казанское, Астраханское и Крымское; первыя два покорилъ еще Иванъ Васильевичъ Грозный¹⁾, а Крымское царство или ханство еще стояло.

Крымскій ханъ былъ беспокойнымъ для насть сосѣдомъ. По богатымъ степямъ нынѣннихъ губерній херсонской, екатеринославской и таврической паслись табуны татарскихъ коней и бродили вслѣдъ за ними семьи Татаръ, не имѣя иного жилища кромѣ войлочныхъ кибитокъ. Земледѣліемъ они не занимались, промысловъ у нихъ не было, а жили они своими стадами—да еще грабежомъ. Кликнеть ханъ кличъ,— Татары его садятся на коней и пускаются за сотни верстъ грабить русскіе города и села и брать въ плѣнъ христіанъ съ тѣмъ, чтобы потомъ продавать ихъ Туркамъ....

По единовѣрію своему съ ханомъ, турецкій султанъ былъ вѣрнымъ его союзникомъ и покровителемъ: это и спасало до сихъ поръ Крымское царство отъ такой-же участіи, какая постигла Казанское и Астраханское. Но теперь, когда сами Турки обезсилены были послѣдней войною, Татары увидѣли, что и ихъ часть приближается. Многіе изъ нихъ начали переселяться изъ Крыма въ Турцію; другіе стали думать, не лучше ли признать надъ собою власть той могущественной государыни, которая побѣдила самаго султана.

---

¹⁾ См. „Москва“.

Думали нѣсколько лѣтъ и наконецъ поклонились своимъ царствомъ Екатеринѣ.

Ханъ удалился въ Россію и зажилъ на счетъ дарованной ему Императрицею пенсіи. Все съверное прибрежье Чернаго моря и Крымскій полуостровъ присоединились къ Россіи, и это присоединеніе совершилось безъ пролитія крови.

Въ то-же самое время признало надъ собою власть Россіи и другое царство, Грузинское. Грузины издавна христіане и православные; царство ихъ находилось по ту сторону Кавказа и было нѣкогда могущественно и славно; но Турки отрывали отъ этого царства одну область за другою и брали дань съ Грузинскихъ царей, а дикие народы, обитавшіе въ Кавказскихъ горахъ, собираясь отъ времени до времени большими толпами, спускались съ своихъ горъ въ долины Грузіи, уводили въ плѣнъ Грузинъ и Грузинокъ и точно такъ же, какъ крымскіе Татары, продавали ихъ въ неволю Туркамъ. Торговля невольниками велась въ значительныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Крымского полуострова, а также въ нѣсколькихъ городахъ Кавказского прибрежья жили особые скучники человѣческаго товара; они за дешевую цѣну покупали плѣнниковъ у Крымцевъ послѣ каждого набѣга на Россію, или Польшу, а у кавказскихъ горцевъ послѣ набѣга на Грузію, и потомъ съ барышемъ продавали купцамъ, прѣжившимъ изъ Турціи. Этихъ несчастныхъ выводили на базарь кучами; скучники осматривали ихъ, какъ осматриваютъ скотину, приведенную для продажи: раздѣвали до нага, заставляли ихъ поднимать руки и ноги, чтобы убѣдиться, что они владѣютъ этими членами, раскрывали ихъ ротъ, чтобы увѣриться, исправны ли у нихъ зубы, ощупывали, дабы узнать, крѣпло ли ихъ тѣло, и затѣмъ, тѣхъ, которыхъ покупали для отправки въ Турцію, нагружали на корабль, и въ Константинополь и другихъ турецкихъ городахъ, выведя точно также на базарь, перепродаивали снова.

Такому постыдному торгу былъ положенъ конецъ, когда

Крымское ханство и Грузія подчинились России. Торговля людьми прекратилась. За то началась другая торговля,—торговля непостыдная. Плодоносная Новороссія стала быстро заселяться выходцами изъ внутреннихъ губерній и отчасти изъ другихъ государствъ; они засѣвали пшеницу, разводили овецъ, а на прибрежьяхъ Крымского полуострова сажали виноградъ; позднѣе начали устраиваться фабрики и заводы, которыхъ нынѣ насчитываются въ Новороссійскомъ краѣ болѣе восьми сотъ,—а наконецъ и строиться желѣзныя дороги, по которымъ не только изъ разныхъ частей Новороссіи, но и изъ отдаленныхъ губерній подвозятся къ самому морскому берегу хлѣбъ, скотъ, сало, шерсть, лѣсъ, ленъ, ситцы и пр. для продажи заграницей. Съ другой стороны, изъ Италіи, Франціи, Англіи, даже изъ Америки ежедневно подходятъ къ нашимъ черноморскимъ берегамъ корабли съ грузами каменного угля, суконъ, шелковыхъ матерій, хлопка, и съ этихъ кораблей сгружается на берегъ и нагружается на нихъ съ берега всякаго рода товаровъ на многие десятки миллионовъ. Благодаря этой живой торговлѣ, на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей образовалось несолько большихъ и богатыхъ городовъ, изъ которыхъ Одесса и Ростовъ извѣстны всему свѣту.

Такъ-то процвѣлъ этотъ край въ продолженіе невступило 100 лѣтъ, вошедшіи въ составъ Русскаго государства. Быстро несясь въ вагонѣ по его равнинамъ среди полей золотистой пшеницы, видя, какъ мелькаютъ по сторонамъ города и обширныя села, не вѣрится, что такъ еще недавно была здѣсь дикая пустыня, и благословляешь Екатерину, которая положила начало его возрожденію. А Малороссія, а курская и орловская губерніи, бывшия до Екатерины окраинами, смѣжными съ татарами кочевьями,—могли-ль опѣроцвѣсти, если-бы Татары продолжали господствовать надъ южными степями? Никогда здѣсь не было бы большихъ городовъ, какъ Харьковъ, или Воронежъ; не было бы желѣзныхъ дорогъ; не было бы ни торговли, ни земледѣлія, потому что

татарскіе набѣги въ старые годы простирались до самой Москвы.

Первымъ и главнымъ помощникомъ Екатерины въ дѣлѣ пріобрѣтенія Новороссійскаго края былъ знаменитый Потемкинъ, получившій за то титулъ князя Таврическаго.

Онъ былъ сынъ небогатаго дворяншина и отличался въ молодости замѣчательной красотою, большою лѣнью и необыкновенными способностями. Ему достаточно было слегка просмотрѣть книгу, чтобы узнать и навсегда запомнить ея содержаніе; трудиться постоянно онъ не могъ; цѣлые дни и даже недѣли ничего не дѣлалъ, или отдавался шумнымъ развлеченіямъ; но за то, взявшиесь за дѣло, онъ въ нѣсколько часовъ догонялъ и даже обгонялъ своихъ товарищѣй. Сдѣлавшись любимцемъ Государыни, онъ удивлялъ весь дворъ своею беспечностью; всѣмъ казалось, что онъ ничего не дѣлаетъ, ни чѣмъ не занимается, а между тѣмъ Государыня въ продолженіе двадцати лѣтъ ни на что важное не рѣшалась, не посовѣтовавшись съ нимъ. Его рѣдко видали иначе какъ на балахъ и обѣдахъ; тѣ, которымъ удавалось быть принятымъ Потемкинымъ у себя, дома, по большей части заставали его или валяющимся на диванѣ, полураздѣтымъ, или перебирающимъ свои бриліанты; а между тѣмъ этотъ лѣнивый и, повидимому, пустой человѣкъ привелъ и Крымское ханство и Грузію къ признанію господства Россіи. Получивъ приказаніе устроить Новороссійскій край и прибывъ на мѣсто, онъ занимался, казалось, только устройствомъ праздниковъ: никто не зналъ, что съ задняго крыльца къ нему приходили секретари съ докладами. Случалось, что онъ вдругъ исчезалъ съ бала, на который созваны были имъ гости. Чудакъ! разсуждали они: а Потемкинъ въ это время летѣлъ по гладкой степной дорогѣ, чтобы осмотрѣть строящіеся корабли, назначить мѣсто для сооруженія города, или разведенія виноградныхъ садовъ. Не рѣдко случалось, что,

сбившись съ дороги, этотъ богачъ, не знаяшій счета день-
гамъ, ночевалъ въ войлочной кибиткѣ или въ степномъ ху-
торѣ простаго казака и такъ же весело балагурилъ съ какимъ
нибудь сѣдымъ запорожцемъ, присѣвшимъ на его скамъѣ, какъ
съ нарядными красавицами петербургскаго Двора.

Народъ начиналъ, какъ сказано, стекаться въ Новорос-
сійскій край; возникали хутора, села, города. Въ Херсонѣ
начинали строить корабли, и новый, молодой, Черноморскій
флотъ привѣтствовалъ радостными выстрѣлами Импе-
ратрицу, посѣтившую этотъ край черезъ пять лѣтъ послѣ
его покоренія.

Это быстрое процвѣтаніе Черноморскаго прибрежья,
эти города, куда подходили корабли изъ далекихъ странъ,
и особенно этотъ зарождавшійся русскій флотъ сильно тре-
вожили Турокъ. Султанъ и его визири понимали, что эти
корабли могутъ въ два-три дня перевезти тысячу 10 - 20
русскихъ солдатъ подъ стѣны Константиополя; а Кагуль-
скій бой показалъ, что могутъ сдѣлать 10 - 20 тысячъ рус-
скихъ солдатъ. „Не дадимъ же,—разсуждали совѣтники сул-
тана,—Московамъ (Русскимъ) времени построить большой
флотъ“, и убѣдили его объявить Императрицѣ новую войну.

Велика была опасность, которая въ эту войну угрожала
Турці. Екатерина замыслила вовсе разрушить это варвар-
ское государство и возстановить нѣкогда бывшее здѣсь го-
сударство Греческое, то государство, откуда получили мы
ученіе Христа. Но другія державы помышляли исполненію
этого намѣренія. Впрочемъ и вторая турецкая война, въ
которой прославились знаменитый Суворовъ и будущій по-
бѣдитель Французовъ — Кутузовъ, окончилась не безвыгодно
для насъ: мы приобрѣли остальную часть нынѣшней херсон-
ской губерніи, ту, гдѣ находится Одесса.

Между тѣмъ польские паны и польское духовенство, не

могшіе забыть потери Бѣлоруссії, при первомъ извѣстіи о размолвкѣ султана съ Императрицей встрепенулись и положили вооружить все королевство. Но въ то же самое время встрепенулись и православные крестьяне на Украинѣ. „Наша Императрица,—говорили они по единовѣрію съ нею,—Турокъ войну объявила; надо молиться, чтобъ Господь даровалъ ей побѣду.“ Не любо было слышать это панамъ! Они жестоко наказывали крестьянъ, брали подъ стражу православныхъ священниковъ, арестовали даже одного русскаго архіерея и требовали, чтобъ война была немедленно начата. Они воображали, что неповиновеніе ихъ крестьянъ было дѣломъ Русской Императрицы. Но и теперь, какъ всегда, между панами не было единодушія. Нѣкоторые изъ нихъ, наскучивъ неурядицей, обратились къ Екатеринѣ съ просьбой прислать войско для ихъ защиты. Въ это время война наша съ Турками была уже окончена, а потому Императрица приказала своимъ полкамъ прямо съ Дуная повернуть въ Подолію. Закипѣли панскія головы. Что это за король,—кричали на сеймикахъ,—который позволяетъ Москалямъ вступать въ свое государство! И о томъ, что этотъ король не имѣеть власти и войска, они не говорили. Своими криками и угрозами они только напугали короля; онъ послѣшиль и самъ, какъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, стать подъ защиту русскихъ войскъ. Въ короткое время кровопролитіе, начавшееся было въ Польшѣ, было прекращено и возстановленъ порядокъ. Но Императрица за свою помощь потребовала уступки Кіевщины Подоліи, Волыніи и Полѣсся.

Это были опять таки старинныя русскія области съ древними русскими городами—Владиміромъ-Волынскимъ, Овручемъ, Туровомъ и пр., съ населеніемъ православнаго исповѣданія. Это были тѣ самыя области, которыя послѣ введенія Унії не переставали отстаивать даже вооруженною рукою свою прародительскую вѣру и поголовно возставали во времена Хмельницкаго.

Но такъ же какъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ, перевѣсомъ Россіи

надъ Польшой поспѣшили воспользоваться другіе сосѣди Польши. Пруссія присвоила нѣсколько старинныхъ, коренныхъ польскихъ областей и нѣсколько цвѣтущихъ городовъ, какъ напримѣръ Данцигъ (или Гданскъ), — одинъ изъ важнейшихъ торговыхъ городовъ на Балтійскомъ морѣ.

Это былъ второй раздѣлъ Польши.

Екатерина имѣла счастливый даръ находить достойныхъ себѣ сотрудниковъ; мы знаемъ уже Румянцева, Орлова, Потемкина; остается сказать еще о Суворовѣ.

Всѣ у насъ слыхали про Суворова; слыхали, что онъ былъ великий чудакъ, что нерѣдко онъ будилъ солдатиковъ своихъ не барабаннымъ боемъ, а крикомъ к у-к у-р-e-k-u, что однажды, когда у него потребовали объясненія, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать противъ непріятеля, куда пойдетъ, какъ станетъ сражаться, Суворовъ послалъ въ запечатанномъ конвертѣ листъ бѣлой бумаги; многіе знаютъ, что онъ не рѣдко являлся передъ войскомъ въ рубахѣ, безъ мунидира; что однажды онъ пріѣхалъ во дворецъ со спущившимся съ одной ноги чулкомъ¹⁾). Но немногіе знаютъ, что всѣ эти чудачества Суворовъ напускалъ на себя и что помимо ихъ это былъ человѣкъ необыкновенный, одинъ изъ первыхъ вождей своего времени. Не за чудачества же въ самомъ дѣлѣ войска такъ любили его, что рады были за него въ огонь и воду.

Долго не везла ему служба; товарищи обгоняли его чинами и знаками отличія; онъ терпѣлъ, учился и занимался своимъ полкомъ; училъ солдатъ стрѣлять, колоть, одному съ троими справляться, ходить по 70 верстъ въ день, — ходить „Суворовскимъ шагомъ.“ Въ то-же время онъ вникалъ во всѣ нужды солдата и самъ обучалъ ихъ дѣтей грамотѣ.

¹⁾ Въ тѣ времена во дворецъ пріѣзжали не въ сапогахъ, а въ чулкахъ и башмакахъ, штаны же надѣвали короткіе, чуть ниже колѣнъ.

Наступило военное время; солдаты бодро поплыли за своимъ „отцомъ Суворовымъ“—и онъ повелъ ихъ отъ победы къ побѣдѣ. Непріятель полагаетъ Суворова за 100 верстъ,—а Суворовъ уже налетѣлъ на него со своими „чудо-богатырями.“ Ни горы, ни лѣса, ни болота—ничто его не останавливаетъ. Однажды, при переходѣ чрезъ снѣговыя горы въ Швейцаріи, выбившись изъ силъ, голодные и дрожа отъ холода, солдаты стали: нѣтъ силъ идти! „Копай миѣ могилу!“ крикнулъ Суворовъ; я не хочу большие служить съ вами. Зарывай меня въ землю!“ И войско пошло и перешло эти адскія горы. Въ другой разъ, въ бою „чудо-богатырямъ“ пришлось стоять подъ такимъ огнемъ, что не ставало ихъ терпѣнія. Любимый генералъ Суворова подскакиваетъ къ нему и говоритъ: „прикажите отступать; нельзя устоять на мѣстѣ; непріятель ломить.“—„Стойте, пока этотъ камень не сдвинется съ мѣста,“ отвѣтилъ Суворовъ. И чудо-богатыри устояли, и непріятель былъ разбитъ, потому что Суворовъ никогда не начиналъ боя безъ увѣренности побѣдить.

Вотъ что за человѣкъ былъ этотъ Суворовъ. Года черезъ два послѣ возвращенія отъ Польши Волыни, Полѣсся и Подоліи между Поляками составился заговоръ. Въ великий четвергъ 1794 года, когда русскія войска въ Варшавѣ находились въ церкви (разумѣется, безъ оружія) и готовились къ Свѣтлому Празднику, на нихъ кинулась заранѣе возбужденная чернь и многихъ перерѣзала; уцѣлѣвшіе солдаты и офицеры, сбившись въ кучки, подъ градомъ камней и ружейныхъ игуль, пускаемыхъ изъ оконъ и съ крыши, кое-какъ выбрались въ чистое поле. Почти тоже самое произошло въ Вильнѣ и въ иѣкоторыхъ другихъ городахъ. Во всѣ концы Польскаго королевства поскакали курьеры съ приказаниемъ отъ главныхъ заговорщиковъ браться за оружіе; вездѣ гудѣлъ набатъ; ксендзы грозили отлученiemъ тѣмъ, кто не пойдетъ противъ „схизматиковъ“ (еретиковъ); паны устраивали эскадроны изъ своей дворни и, прежде чѣмъ схватиться съ русскими войсками, расправлялись съ тѣми

изъ своей братіи, коихъ подозрѣвали въ расположении къ Россіи: вѣшали, разстрѣливали, отбирали маєтности.

Императрица приказала Суворову вступить въ Польшу. Онъ былъ тогда въ Крыму. Получивъ приказаніе Екатерины, Суворовъ вскочилъ въ курьерскую телѣжку и прилетѣлъ къ Бресту. Тамъ нашелъ онъ тысячъ 10-12 солдатъ и тотчасъ-же, не теряя ни минуты, пошелъ, побѣжалъ искать непріятеля. Онъ нашелъ его за р. Бугомъ. Суворовъ съ разбѣгу кинулся на него, опрокинулъ и ногналъ, не давая ему опомниться, не допуская пріостановиться на часокъ, чтобы дать отпоръ. Въ нѣсколько дней этотъ непріятельской корпусъ былъ разсѣянъ, а съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ перенѣгры черезъ Бугъ Суворовъ уже находился подъ Варшавой.

Здѣсь онъ далъ отдохнуть два дня своимъ войскамъ, а на третій день повелъ ихъ на приступъ. Варшава сдалась. А такъ какъ въ то же время прусскія и австрійскія войска тоже грозили Польши, и даже переступили ея границу, то войнѣ былъ положенъ конецъ.

Тогда наступилъ третій раздѣлъ Польши (1795). Россія взяла частію старинныя русскія, а частію литовскія земли съ городами Гродномъ, Вильной, Ковномъ и др.; остальную часть королевства разобрали Пруссаки и Австрійцы. Несчастный король Польскій, которымъ окружающіе его управляли какъ малымъ ребенкомъ, отказался отъ престола и уѣхалъ въ Россію: да ему уже и не надѣть было царствовать,—Польскаго государства больше не существовало¹⁾.

Въ царствованіе Екатерины Русскому народу пришлось вынести много тяжкихъ испытаній; чума, страшный мятежъ Пугачева, наконецъ многочисленныя и жестокія войны—все

¹⁾ Въ 1815 году, послѣ пораженія императора Французовъ Наполеона I-го (см. „Двѣнадцатый годъ“), почти вся польскія владѣнія, за

это не легко было переносить пашимъ дѣдамъ. Но они перенесли все и не ослабѣли въ преданности Государынѣ своей. Напротивъ, народъ обожалъ ее при жизни и горько ее оплакивалъ, когда она сошла въ могилу, потому что всѣмъ было известно, что благо народа было заботою каждого дня ея жизни, каждой минуты.

Вступивъ на престолъ, Екатерина замѣтила, что наши законы во многомъ требуютъ исправленія. Она начала сама изучать законы другихъ странъ, читать лучшія по этому предмету сочиненія и выписывать изъ нихъ то, что находила въ нихъ хорошаго и пригоднаго для Россіи. Но, разсуждала она, Россія—это море безбрежное; какъ узнать нужды всѣхъ миллионовъ людей, ее населяющихъ? И приказала, какъ это дѣжалось при царяхъ Московскихъ¹⁾, собрать въ

нятыхъ по третьему раздѣлу Пруссаками и Австрійцами, отданы были по общему согласію императору Александру Павловичу съ именованіемъ ихъ Царствомъ Польскимъ. Въ этомъ царствѣ было совершенно особое отъ Россіи управление; оно имѣло особыхъ министровъ, особое войско; Русскій государь именовался королемъ Польскимъ и приѣзжалъ короноваться въ Варшаву. Въ 1830 году произошелъ въ Польшѣ мятежъ. Русскія войска прекратили его и, подобно какъ и въ 1794 г., взяли Варшаву. Тогда у Царства Польскаго отняты были многія особыя права и уничтожена особая польская армія. Въ 1863 году снова произошелъ въ Польшѣ мятежъ. Когда и этотъ мятежъ былъ подавленъ, особое управление царства было уничтожено и введены въ немъ тѣ же установления, какъ и въ остальныхъ частяхъ Русского государства: крестьяне получили въ 1864 году земельные надѣлы въ собственность и освобождены были отъ панской зависимости; вместо панской расправы устроены гминныя (волостныя) управленія и гминные суды. Въ 1874 году установлена одинаковая для всѣхъ сословій воинская повинность, какъ въ имперіи, а въ 1877 введенъ такой-же какъ въ имперіи судъ. Такимъ образомъ совершилось соединеніе двухъ великихъ Славянскихъ племенъ,—Русскаго и Польскаго, подъ одной державой, что предполагалось во времена Иоанна IV-го (см. „Москва“) и потомъ во время Савойчевъ, когда королевичу Польскому Владиславу предложена была русская корона (см. „Смутное время“).

¹⁾ См. „Москва“ рубрика „Сильвестръ и Адашевъ“.

Москву выборныхъ людей изо всего государства. Съѣхались дворяне и купцы, лица духовнаго чина и государственные крестьяне, промышленники и казаки, и даже кочевые инородцы. Всѣмъ имъ надобно жить, разсуждала Государыня, всѣ они имѣютъ свои нужды и желанія: выслушаемъ же эти нужды и желанія и сдѣлаемъ все, что возможно.

Этимъ выборнымъ людямъ она приказала пересмотрѣть наши законы, а для руководства ихъ собственноручно составила Наказъ. Въ этомъ Наказѣ она горько осуждала пытку,—то есть разныя мученія, употреблявшіяся для того, чтобы вынудить признаніе у обвиняемаго. Развѣ не можетъ быть, писала она, что человѣкъ совершенно невинный, не стерпя мученій, и дабы избавиться отъ нихъ хоть на минуту, объявить себя виноватымъ?—Бываютъ случаи, когда необходимо назначить злодѣю даже смертную казнь; но при этомъ, писала Екатерина, не нужно по крайней мѣрѣ мучить его, и запретила всѣ употреблявшіяся до нея мучительныя казни. Она велѣла доставлять каждому обвиняемому всевозможныя средства къ оправданію, ибо лучше-де „простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго“; а еще лучше,—внушала она выборнымъ,—предупреждать преступленія вмѣсто того, чтобы потомъ за нихъ наказывать. Таковы человѣколюбивыя мысли, наполняющія Екатерининскій Наказъ, и человѣколюбіемъ отличалось и ея правленіе. Она старалась направлять людей къ добру болѣе обѣщаніемъ наградъ, чѣмъ наказаніями. Такой ужасный злодѣй какъ Пугачевъ былъ обезглавленъ безъ всякихъ мученій, тогда какъ заводчики крестьянскихъ смутъ на Волыни были, по распоряженію польскихъ властей, подвергаемы самыми мучительными казнями: съ нихъ сдирали кожу, отсѣвали имъ руки и ноги и потомъ уже голову.

Не все, конечно, въ царствованіе Екатерины чинилось согласно ея желанію и указамъ; и при ней были помѣщики немилостивые, суды неправедные, правители нерадивые; но люди всѣхъ сословій знали и могли видѣть изъ Наказа,

какъ противна Императрицѣ всякая неправда, всякая жестокость. Это могли знать, и знали жители самыхъ отдаленныхъ частей Россіи, а тѣ, которые имѣли случай лицезрѣть Екатерину, — ея придворные, совѣтники, сановники,—не могли нахвалиться ея ласковостью, привѣтливостью, привлекательностью и простотою ея обхожденія. Эта простота ея доходила до того, что иногда, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, она не хотѣла будить прислугу и нерѣдко сама затапливала каминъ въ своей комнатѣ, пока спали придворные истопники. Случилось однажды, что Государыня ночью вдругъ услышала страшную пальбу. Что такое?.. Оказалось, что какой-то генералъ, сильно запировавшись, велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ. Генерала потребовали утромъ во дворецъ, и Екатерина строго замѣтила ему, что его попойка встревожила весь Петербургъ.

— За Ваше здоровье пили, Матушка,—отвѣчалъ виноватый,—такъ я велѣлъ стрѣлять.

— А если ты желаешь мнѣ здоровья, то не мѣшай мнѣ спать, отвѣчала Императрица, и тѣмъ дѣло кончилось.

Матушка — вотъ имя, коимъ народъ называлъ ее; Екатерина Великая и Матушка-Екатерина — эти два прозванія при ней и остались.

Касаткинъ Шампанъ 2го

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II.

СУВОРОВЪ.

Книга Суворова

Румянцевъ.

ПОТЕМКИНЪ.

